

ЮЛИЯ ЗОНИС

КРОВЬЮ ДРЕВА КЛЯНУСЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-84

Иллюстрация на переплете художницы *DafaQ*

Зонис, Юлия Александровна.

3-84 Кровью дерева клянусь / Зонис Юлия Александровна. — Москва: Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-244646-7

Дубравка выросла в княжеском доме вместе с Мирославом, наследником Древоचारского княжества, но с детства знала, что она здесь чужая. Единственным напоминанием о ее настоящей матери был таинственный амулет в виде цветка, который она носит на шее. Именно эта древняя реликвия, способная изгонять нечисть, неожиданно делает ее ключевой фигурой в планах тарханского царевича Барласа. Сможет ли девушка, не знающая своего истинного происхождения, с помощью материнского дара защитить тех, кто ей дорог?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зонис Ю., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-244646-7

КРОВЬЮ ДРЕВА
КЛЯНУСЬ

Часть первая МИРОСЛАВ И ДУБРАВКА

Беги туда, где любят,
Ищи любви, ее ты стоишь. Сердце
Снегурочки, холодное для всех,
И для тебя любовью не забьется.

А. Островский, «Снегурочка»

Пролог ЗИМНИЦА

Едет санный возок, под полозьями снег поскрипывает. Скрип-скрип. Ночь снаружи, внутри тлеет фитилек в глиняном каганце. Крыт возок медвежьими да волчьими шкурами, внутри тепло и душно, а снаружи лютует мороз.

Едет возок не один, целый санный поезд влачится от самого Ярограда. Направляется в тарханский стан, где молодой нойон Барлас, названный сын самого владыки Подмирья Эрлика, ждет невесту. А невеста не волей своей идет за нойона. Княжна Велеслава, дочь князя-жреца Берендея, часть богатого оброка. Тут и шкуры беличьи, лисьи, куньи, соболя, и гривны серебряные, и ларцы из дерева благородных пород, набитые самоцветными украшениями. Все — часть ее приданого. Не под силу берендеям сражаться с тарханами, куда там лесному

племени тягаться с войском, покорившим и разграбившим сам Юлистан!

Тоскует невеста. Душно ей, тяжело. Весной только стукнуло Велеславе четырнадцать годков, ей бы с подружками еще хороводы водить по священным дубравам. Нет, волей князя-отца едет в тарханский стан, а если по чести говорить, то в полон. У нойона сорок законных жен и, говорят, еще три сотни наложниц, быть ей младшей и нелюбимой, прислуживать знатым тарханкам. Есть от чего закручиниться. Так невесте тошно, что хоть опрокинь каганец, а когда пламя лизнет шкуры, выскочи из возка и в лес беги. Да где там. На носу свирепый Карачун, день, когда у Ярилы меньше всего над миром власти. Сгинет княжна молодая, замерзнет, или волки сожрут.

— Нянюшка, — говорит Велеслава, грея озябшие пальцы в рукавах меховой шубы. — Нянюшка, расскажи мне сказку, и дорога короче покажется.

Няня Марлуша, крепкая для своих немалых лет, морщинистая и не по-берендейски смуглая, ворчит, возвращается на лавке напротив княжны.

— Ночь на дворе, ласточка моя, — отвечает она. — Какие сказки, поспать бы тебе. Да и не так уж ты мала, чтобы сказки мои слушать — поди, невеста уже.

Велеслава давит в груди горестный всхлип.

— Ох, горе мое, горе луковое, — смягчается няня. — Хорошо, расскажу я тебе — но не сказку, а быль. Про родное свое село, Богумилово, что под Яроградом...

— Да как же, Марлуша, — перебивает ее княжна. — Знаю я все села под нашим стольным градом, и Червоно, и Зорево, и Лесняны... нету там сельца Богумилово.

— Потому и нету, — непонятно отвечает няня. — Вот ты послушай.

Тому уж две або три сотни лет как стояло под Яроградом богатое село Богумилово. Жили большие бортничеством да охотой, молились Яриле, Ладе да снежной богине Моране. Это теперь Морана в чести у берендеев, а тогда немногие ей поклонялись. Только ежели до самого травня, а то и червения снега лежат, поневоле и Карачуну молиться начнешь. Так вот. Приблудилась как-то в село девчонка маленькая, годков так пяти-шести от роду. Пришла она зимой, в самый мороз, накануне Дня Карачунова — вот и называли ее люди по-простому, Зимницей. С лица пригожа была, волос светлый, очи зеленые, словно вода озерная в полынье, только больно бледна, как будто сама Морана ей в лицо холодом дохнула.

Жили в том селе добрые люди, бортник Тихон да жена его Милава. Не было у них детей, а сами уже старики — ну и удочерили они приблуду. Росла она краше солнышка, пела, как ручеек, только больно была несмешива. Понятно, парни за ней с малых лет бегали. Вот и ученик тогдашнего волхва, златокудрый Лель, как увидит красавицу — так и пригорюнится, начнет на сопелке своей играть. А была у его музыки такая власть, что и звери лесные, и птицы небесные приходили послушать, и даже сам Ярила лик свой из-за туч казал. Только сердце Зимницы не мог он песней своей растопить, вот и маялся, год за годом чах. Другие парни отступились давно, нашли себе девок попроще, чтобы с ними на Купалу через горячий костер прыгать и после — в роще березовой миловаться, а Лель нет, все ходил за красавишиной, как тень.

Только пришла в ту годину на землю берендеев беда. Стрыйчичи наши, древоচারь, давно на земли

берендеевы зарились. Хотели священные дубравы срубить, на их месте свои города и села понаставить, а землю под посевы распахать. Князь их старый, Вепрь, на что был любитель ратных утех, а все же договор с тогдашним Берендеем читил. А как помер, и власть перешла к сыну его, Лютовиту, так все и пошло. Поставил он над войском воеводу, тоже молодого, да уже в сражениях славного, Мизгиря. Тот, говорят, бился и с самими полесичами, и с гривцами, и даже с хазарами да тарханами на южных и восточных рубежах. Что ему какие-то лесные жители, бортники да ловцы. Огнем и мечем пошел Мизгирь по землям берендеевым, и подступил уже к самому Ярограду. А сельцо Богумилово на пути его войска оказалась.

Была в тот год лютая, суровая зима. Волхвы уж и не чаяли до Ярилы дозваться. Лель с дудкой своей все бродил по лесу, Ладу кликал, но и Лада его не слушала. Тогда вспомнили люди о старых богах. Стояла в самой чащобе, в ельнике глухом избушка, и жила в ней — кто говорил, колдунья да знахарка, а кто, что и навица, жрица самой Мораны. Давно не доставляли ей приношений для страшной ее богини, и зла была та навица на род людской, лика в село не казала. Ну, что поделать? Сам князь-жрец Берендей тогдашний со свитой отправился в лес. Прихватил и кунных шкур, и меда, и зерна, и все кинул в прорубь по велению навицы. Та зажгла священные травы и задала своей богине вопрос: как отвести беду, как справиться с войском древоচারов?

И закаркал ворон в ее избе, и раздался тихий смех, словно лед потрескивал на реке от мороза. А затем рассмеялась и сама навица. Обернула лицо свое к Берендею и говорит: «Воевода Мизгирь молод и до женской красоты охоч. Вот и отправь к нему в стан Ледяную Деву».

Кровью древа клянусь

«Что за Дева такая?» — спросил Берендей.

Зыркнула на него навица вороньим глазом.

«Забыли вы, — говорит, — берендеи, заветы дедовы. В ночь на Карачун надобно привести самую красивую девку к священной ели и привязать хорошенько путами из конских жил. И оставить ее, вкупе с жертвой кровавой, козой там али телицей, а наутро, если примут Морана и Карачун ваши дары, из девки той явится Дева Ледяная. Слица прекрасная, а внутри холодная, как самая лютая стужа, и поцелуй ее вмиг заморозит любое, даже самое ярое, сердце. Что, князь Берендей, есть у тебя на примете такая девка?»

А с Берендеем в избушку навицы пришли и старый волхв, и при нем молодой Лель. Все в Бозумилово ведали про страсть Леля к Зимнице да про то, как девка холодна и как сердце свое бережет.

«Есть у нас такая», — кивнул волхв, и снова рассмелась навица, словно морозные звезды в небе хохотали над людишками внизу.

Лель-то, конечно, воспротивился — но куда против своих попреишь? Тихон да Милава ни за что бы добром девку, дочь свою неродную, не отдали, и не хотели волхв с князем народ в селе бередить. Сговорились так: позовет Лель Зимницу в лес, якобы на знакомый холм, игру свою волшебную послушать, там ее и встретят у священной ели и сделают, как заповедала навица.

* * *

— Ах, как страшна твоя сказка, нянюшка! — мотает русоволосой головой Велеслава и даже ногой в сапожке притопывает. — Не хочу такую дальше слушать.

Отворачивается она к окошку, затянутому бычьим пузырем, да что за окошком тем видать — только смутные тени конных, что санный поезд сопровождают, да

размытый свет факелов. Ни земли, ни неба, ни леса, ни жилья человеческого, лишь снег, мороз и путь бесконечный, до самого тарханского стана.

— Вот бы сейчас жил тот воевода Мизгирь, — вздыхает княжна. — Он бы сразился с немилым Барласом и землю нашу спас.

Марлуша в ответ только хмыкает. Стучат костяные спицы — вяжет она топотушки малые для будущих чад своей княжны.

— Барлас не просто чернокнижник и нелюдь, — тихо говорит она. — Он удалой хоробр, покоровший Гюлистан и поднебесное царство Цинь. Сама госпожа наша Морана склонила перед ним главу, пропустила глубоко в земли берендеевы. Не справился бы твой Мизгирь, да и умом он особым не отличался, хоть сердцем был яр.

Княжна оборачивается к ней.

— Почему, нянюшка?

— А вот послушай...

* * *

Плакала душа Леля, как плакала его свирель, а что поделать? Землю родную спасать надо, народ выручать. Зимница привыкла другу светлокудному верить, да и мог ли обмануть ее, невинную девицу, ученик волхва? Пошла она с ним в чащу, на заветный холм, о дурном не помыслив.

Завел ее Лель к священному древу, а там уже стражники берендеевы дожидаются. Примотали они красавицу конскими жилами к колючей, мохнатой елке, к ногам ее приношение кровавое положили и ушли. А Лель не мог уйти, но не мог и на глаза показаться. Запрытался в ельнике, сидит и выжидает — когда Карачун-мороз за девицей пожалует? Светят с небес ледяные зимние звезды, такие яркие, что видно почти как

днем, да скалится щербатая половинка луны. А Карачун не торопится, в чаще уже и волки воют, чувствуют свежую кровь. Вот уже и глаза их зеленые замерцали среди ветвей. Вот уже выступили на поляну горбатые тени...

Заплакал Лель и на свирели своей заиграл — пусть сначала его волки сожрут. Только что за диво? От священной ели свет на поляну разливается, и исходит тот свет от подружки его, от сиротки Зимницы! Выбежал Лель на снег и глядит: путы с рук Зимницы плетми вьюнка спадают, а теля жертвенное, что в снегу перед ней лежало, вскакивает на ножки.

Тут Лель бухнулся на колени в снег и спрашивает:

— Кто же ты такая на самом деле, великая богиня?

А та отвечает:

— Звать меня Жива, я дочь Лады и мороза свирепого, Карачуна. Поспорили как-то отец мой и мать. Мать говорила, что люди добры и в сердцах их живет любовь, а отец — что сердца их, как лед, холодны. Мать ему не уступала, и совсем осерчал Карачун. Решил со злости заморозить весь мир, и тогда Лада сказала: «Не делай так, муж мой. Отправим мы к ним нашу дочь, Живу. Сердце ее пока молодо и не знает любви. Если сумеет человек разжечь в ее сердце огонь, тогда я права, а если нет, если погубят ее люди — значит, твоя правда».

— Что же это за родители, — воскликнул Лель, — которые дочерью своей готовы пожертвовать ради спора?

Усмехнулась Жива-Зимница.

— Знай же, ученик волхва, что не могу я умереть — каждой весной оживаю, хоть закопай меня в землю, хоть вморозь в самый крепкий лед. Однако убедилась я, что люди злы и корыстны. Сделаю так, как вы хотите, — отправлюсь в стан Мизгирия, и поцелую его, и превратится сердце его в кусок хладного льда,

и сгинет Мизгирь. Но и ты, Лель, помни наш уговор. Коли не сожгут село ваше древоচারы, я вернусь в Богомилово и тогда поцелую тебя. Согласен ли пожертвовать жизнью своей молодой?

Склонил Лель кудрявую голову. Уж и так не чаял он выбраться из леса, и кручина его глодала, что заманил Зимницу на смерть. Как не согласиться, если спасет он тем народ берендеев? Лишь одно печалило его. Победил в споре Карачун, а Лада проиграла. Не нашла Зимница-Жива в людях добра, только смертный холод.

* * *

— Но как же так? — возмущается княжна Велеслава. — Ведь не своей волей повел он девицу в лес? И готов был жизнью пожертвовать, чтобы народ берендеев спасти. Разве он плохой человек?

— Ох ты ж, донюшка моя. Плохой ли человек отец твой, нынешний князь Берендей, что отправил тебя царевичу Барласу как часть оброка? Плох ли был и Мизгирь, по приказу господина своего воевавший с соседями, что ему зла не сделали?

Хмурится Велеслава, кусает губы.

— Это все навица, — наконец восклицает она. — Это она и нечестивая ее богиня Морана придумали. И злой Карачун, что хотел людей заморозить!

— Значит ли это, — спрашивает няня, переставая на миг стучать спицами, — что только злые люди злы и делают зло, а добрые всегда добры?

— Да, так, — кивает ее княжна.

— А вот если царевич Барлас полюбит тебя всей душой, красна девица, — тихо говорит няня, — и откроет тебе свое сердце, как Мизгирь Зимнице, и пустит внутрь — а ты ударишь его прямо в сердце ножом, добро ты совершишь или зло?

Велеслава отшатывается и со страхом глядит на нянюшку.

— У меня и ножа нет, — жалобно говорит она, прижимая ледяные пальцы к горящим щекам.

— А нож и не надобен. Достаточно костяной спицы. Вот сюда, в подбородь, в мякоть.

Няня приподнимает голову и показывает на собственную нижнюю челюсть с отвисшими складками кожи.

— Или вот сюда, в потылицу.

Марлуша снимает платок, и черные с серебром косы ее, как змеи, падают на грудь, и кажется молодой княжне, что не нянька старая перед ней сидит, а проклятая навица и, кабы не самолично, злая богиня Морана.

— Нет! — Велеслава мотает головой. — Нет! Расскажи мне, чем кончилась сказка, нянюшка!

Марлуша смотрит на нее какое-то время глазами, темными, как само Подмирье, а потом повязывает обратно платок и вновь начинает стучать спицами. Мерно, неторопливо течет ее сказ.

* * *

Как обещала Жива-Зимница, так и сделала. Явилась она пред очи воеводы Мизгиря, прекрасная и холодная, и возгорелось в сердце Мизгиря пламя. Бросил он к ее ногам все богатства свои: и куньи и собольи меха, и драгоценные кубки, и серебро, и золото, и даже меч свой славный.

— Все сделаю для тебя, краса, — воскликнул Мизгирь, — лишь стань моей.

— Хорошо же, — улыбнувшись, ответила дева, — стану я твоей, если ты убьешь князя своего, Лютовита, и вместо него на престол древочаров воссядешь.

Так и свершилось. Развернул свое войско Мизгирь из-под самого Богумилова, огнем и мечом прошелся по